

На правах рукописи

Сахарова Анна Вячеславовна

СИНТАКСИС И ПРАГМАТИКА ПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ:
КРИТЕРИИ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДИКАЦИЙ НА ПРИЧАСТНЫЕ И ФИНИТНЫЕ
В КОМИССИОННОМ СПИСКЕ НОВГОРОДСКОЙ ПЕРВОЙ ЛЕТОПИСИ

Специальность 10.02.01

«Русский язык»

Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Москва

2007

Работа выполнена в Отделе источниковедения и истории русского литературного языка
Института русского языка им. В.В. Виноградова

Научный руководитель доктор филологических наук,
 профессор Виктор Маркович Живов

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
 профессор Вера Исаковна Подлеская (РГГУ)

 кандидат филологических наук,
 Алексей Алексеевич Гиппиус (Институт славяноведения РАН)

Ведущая организация: кафедра русского языка филологического факультета
 МГУ им. М.В. Ломоносова

Защита состоится 17мая 2007 г., в четверг, в 14 часов на заседании диссертационного совета
Д 002.008.01 при Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН по адресу 119019,
Москва, ул. Волхонка, 18/2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Автореферат разослан 10 апреля 2007 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук

Б. Л. Иомдин

Функционирование кратких причастий действительного залога¹ в средневековых восточнославянских текстах становилось предметом многих исследований. Но основное внимание привлекал особый синтаксис летописных кратких причастий; факторы же, обуславливавшие само распределение предикаций на оформляемые финитными глаголами и причастными оборотами, специально не изучались (только самым общим образом высказывалось мнение, что краткими причастиями маркируются второстепенные с точки зрения организации нарратива предикации). Между тем, это распределение представляет собой один из интересных элементов нарративной стратегии древнерусских книжников. Исследование его механизмов и является **целью** данной работы, вписывающейся таким образом **в актуальную проблематику** изучения дискурсивно-прагматических факторов в истории языка русской письменности.

Реализация этой цели предполагает выполнение следующих **задач**:

– сравнить, как могли употребляться финитные формы и причастные обороты разных типов (обороты с ш- и щ-причастиями, оформленные именительным и дательным падежами) в контекстах, характеризующихся, прежде всего, различными значениями дискурсивных параметров, связываемых с второстепенностью (фоновостью) предикации, и определенными синтаксическими чертами;

– используя результаты этого исследования, очертить круг функций причастного оборота каждого из типов, перечисляя контексты, в которых он употреблялся.

Первая из этих задач требует некоторых специальных разъяснений.

Как принято считать, синтаксически подчиненными говорящий/пишущий делает те предикации, которые несут информацию, менее связанную с его риторической целью, т.е. принадлежат второму плану повествования (фону). Для нарратива к фону относят, прежде всего, предикативные единицы, не принадлежащие самой нарративной последовательности, описывающей происходившие одно за другим события. Таковы, во-первых, предикации, обозначающие ситуации, хронологически одновременные основным событиям, и, во-вторых, предикативные единицы, являющиеся целиком прагматическими презумпциями, т.е. повторяющие уже известную информацию² (предикации первого типа будем называть фоновыми по аспектуальному критерию, второго – фоновыми отсылками назад). Также фоновость (второстепенность) может пониматься и как невыделенность предикации с прагматической точки зрения, т. е. как стереотипность, ожидаемость ее появления в определенном контексте³.

Характеризуя контексты, в которых изучаются закономерности выбора причастной конструкции, следует отмечать также синтаксические свойства предикативной единицы, которые определяют, окажется ли причастный оборот самостоятельным или нет. Ведь, как известно, в летописном языке традиционные церковнославянские синтаксические ограничения на употребление оборотов с причастием в именительном падеже и дательных самостоятельных

¹ Известно, что в ранний период истории языка они пошли по пути изменения своей синтаксической функции от атрибутивной к обстоятельственной, потеряв при этом склонение, а позднее и согласование по роду. Поэтому, как уже неоднократно отмечалось, данные формы терминологически корректно было бы называть деепричастиями, или согласуемыми деепричастиями (см. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. 2-е изд., перераб. с учетом находок 1995-2003 гг. М., 2004: 134, 184-185). Но в русистике сложилась традиция применять термин *краткое причастие*, и в данной работе она не нарушается.

² См. *Hopper P.J.* Aspect and foregrounding in discourse // T. Givón (ed.). *Discourse and Syntax*. NY, 1979. Pp. 213-241 (*Syntax and Semantics*. Vol. 12); *Dry H.* The movement of narrative time // *Journal of Literary Semantics*. 1983. XII/2. Pp. 19-53; *Thompson S.A.* "Subordination" and narrative event structure // R.S. Tomlin (ed.) *Coherence and Grounding in Discourse: Outcome of Symposium*, Eugene, Oregon, June 1984. Amsterdam (Phil.), 1987. Pp. 435-454 (*Typological Studies in Language*. V. 11).

³ См. *Polanyi L., Hopper P.J.* A revision of the foreground-background distinction: Paper presented at the 1981 Winter meeting of the Linguistic Society of America. [Электрон. ресурс]. Доступ: <http://eserver.org/langs/polanyi-hopper1981.hqx> [21.6.2000], свободный.

могли не соблюдаться⁴ (в некоторых случаях вместо этих стопроцентных ограничений мы имеем дело скорее с факторами синтаксического плана, способствующими тому, чтобы предикация была оформлена финитно, и могущими иногда вступать в конкуренцию с факторами содержательного плана).

В качестве исследуемого текста, т.е. **материала** для диссертации, выбран один из списков Новгородской первой летописи (НПЛ) младшего извода, Комиссионный. Мы отдали предпочтение этому памятнику перед несколько более древней НПЛ старшего извода, поскольку он больше по объему, т.е. не настолько мал, чтобы материала было недостаточно для статистических выводов. Текстологическая неоднородность памятника в данном исследовании нас интересовать не будет.

Поскольку особенности дискурсивного контекста, влияющие на выбор оформления предикативной единицы, тесно связаны со значением глагола, в диссертации принят полексемный порядок рассмотрения материала. Для разных глаголов по очереди рассматриваются все контексты (характеризуемые, прежде всего, различными значениями интересующих нас содержательных и синтаксических параметров) и перечисляется, какие способы оформления и в каких количественных соотношениях друг с другом оказались возможными⁵. Всего анализируется употребление 50 глагольных лексем. Отобраны они по простому принципу – это наиболее частотные в Комиссионном списке НПЛ глаголы, а также некоторые редко употребляемые глаголы, демонстрирующие явную привязку к тому или иному причастному способу оформления.

Научная новизна диссертации заключается, прежде всего, в том, что в ней изучается явление, никогда ранее не бывшее предметом специальных исследований в исторической русистике. Вместе с тем, будучи подробным исследованием дискурсивных функций нефинитных форм, работа представляет интерес и с общелингвистической точки зрения. **Теоретическая значимость** работы состоит в том, что ее результаты открывают новые возможности для описания лингвистического устройства древнерусских текстов, для изучения их нарративных структур, принципов работы древнерусских книжников, их культурной ориентации и художественных приемов.

Апробация. Основные положения диссертации обсуждались на заседании отдела источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова. По проблематике диссертации был сделан доклад на семинаре отдела лингвистического источниковедения и истории русского литературного языка Института русского языка им. В.В. Виноградова под руководством В.М. Живова и А.А. Гиппиуса.

Структура работы. Работа состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Введение состоит из трех разделов: «Деепричастие в теоретической и типологической перспективе», «Древнерусское краткое причастие» и «Структура и материал исследования». В нем обосновывается актуальность избранной темы, формулируются задачи исследования, даются определения используемым терминам и разъясняются особенности выбранного подхода.

В первой главе описываются закономерности распределения предикаций на причастные и финитные для некоторых глаголов, образующих щ- и ш-причастия; во второй главе те же явления рассматриваются для глаголов, образующих только ш-причастия. В третьей главе на основе результатов анализа, описанного в первых двух главах, для причастного оборота каждого из типов перечисляются все возможные содержательные функции.

⁴ См. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1—2, М., 1958; *Лопатина Л.Е.* Второстепенное сказуемое // Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Простое предложение / Под ред. В.И. Боровского. М., 1978. Стр. 102-118; *Corin A.* The dative absolute in Old Church Slavonic and Old East Slavic // *Die Welt der Slaven*. V. 42. No. 1.1995. Pp. 251-284.

⁵ Для краткости в тех случаях, когда используется конструкция с щ- или ш-причастием в именительном падеже, будем просто говорить, что используется щ- или ш-причастие.

Глава 1. Закономерности распределения предикаций на причастные и финитные для некоторых глаголов, имеющих и щ- и ш-причастия

Раздел 1.1 посвящен глаголам, могущим обозначать местоположение в пространстве: *быти*, *сѣдѣти*, *стояти*⁶. Глагол *быти* может быть оформлен причастием только в фоновых контекстах, при этом для него существуют и ограничения на причастное оформление, не связанные прямо с рассматриваемыми критериями второстепенности. Так, если глагол употребляется с неодушевленным сказуемым, возможно использование дательного самостоятельного с щ- или ш-причастием в случае, когда предикация является фоновой по аспектуальному критерию (находясь в контексте рассказа о событиях, происходивших с людьми):

И бывши единою скудости в ростовьстѣи области, вѣстаста два волхва от Ярославля глаголюща, яко: «мы свѣмы, кто держитъ обилье в себѣ» [6579].

Если же *быти* употребляется с одушевленным сказуемым, фоновая по аспектуальному критерию предикация может оформляться дательным самостоятельным только в случае, когда ее субъект в единственном числе и уже ранее фигурировал в повествовании:

Того же лѣта князь великий Василии, собравъ вои, и поиде на того же Махмета и приде въ Суздаль. И бывшу ему въ Еуфимьева монастыря, и без вѣсти наидоша Татарове, и бысть сѣча велика [6953].

Когда же предикация с *быти* (имеющая одушевленное подлежащее) принадлежит нарративной последовательности, употребление ш-причастия возможно только тогда, когда предикация обозначает не последнюю ситуацию во фрагменте, относящемся к одному подлежащему, а следующая ситуация прекращает данную (в таком контексте предикацию с *быти* можно назвать прагматически невыделенной по отношению к следующей):

...преставися архиепископъ новгородчкыи Климентъ, бывши въ епископы лѣт 23, добръ правивъ церковь Божию [6807].

Глаголы *сѣдѣти* и *стояти* в разных значениях появляются в фоновых контекстах разных типов, но для них только в этих второстепенных контекстах и оказывается возможным употребление щ- и ш-причастий. Так, только в контексте, характерном для ш-причастий глагола *быти*, возможно использование и ш-причастий глаголов *сѣдѣти* и *стояти* в значениях, близких «находиться»:

Иде Ростиславъ къ Чернигову ис Кыева сѣдевъ Кыевѣ неделю 1 [6662];

Ходи Ярославъ на Черниговъ ратью ... пожже Шернескъ и стоявъ под Мосаискомъ въсяптися назадъ истрати обилья много [6739].

Когда же эти два глагола имеют прямые значения, они могут употребляться в фоновых по аспектуальному критерию контекстах. При этом используется щ-причастие в именительном падеже (если предикация имеет то же подлежащее, что и соседняя) или дательный самостоятельный с щ-причастием (в противном случае).

...бысть громъ велии яко слышахомъ вси чисто в истьбѣ сѣдяще [6646];

...(кудесник) нача призываети бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдяще на празѣ тоя храмины, кудесъникъ же лежа оцѣпѣвъ, и шибѣ имъ бѣсъ [6579].

В разделе 1.2 речь идет о глаголе *хотѣти*. Чаще всего он употребляется в летописи в фоновом контексте одного определенного типа, где он обозначает намерение лица, а другая предикация (имеющая то же подлежащее) обозначает действие, предпринятое для реализации этого намерения. Предикацию с *хотѣти* в таком контексте можно считать прагматически невыделенной по отношению к следующей. При этом почти всегда используется щ-причастие:

Того же лѣта воевода нѣмечьскои Трунда с Нѣмци в ловахъ и въ шнеках внидоша Невою в Ладоское озеро ратью, хотяще на Корѣлѣ дань взяти [6792].

Однако имеются и еще некоторые редкие употребления причастий глагола, которые нельзя назвать фоновыми по рассматриваемым критериям.

⁶ Для глагола *быти* не разбираются употребления в качестве связки, т.е. в составном именном или глагольном сказуемом.

Раздел 1.3 посвящен глаголам восприятия (*видѣти* и *слышати*, также *увѣдати*). Так же, как и *хотѣти*, чаще всего эти глаголы встречаются в прагматически невыделенных фоновых контекстах, где другая предикация (с тем же подлежащим) обозначает реакцию субъекта на воспринятое. Именно для этих второстепенных контекстов и характерно, хотя и не обязательно, употребление ш-причастия:

И людье же кликнуша, и идоша къ порубу Всеславию; Изяславъ же, се видѣвъ, со Всеволодомъ побѣзоста съ двора князя [6576];

Князь же Иванъ слышавъ, яко взят бысть Орѣховець от нѣмцовъ, поуха из Новгорода взадъ, не принявъ владычня благословения и новгородскаго челобитья [6856];

...тако изиде изъ Грѣчькои земли. И увѣдавъ цесарь, и посла искать его въ мнозѣхъ мѣстехъ [6712].

(При этом предикация с глаголом *видѣти* может иногда быть фоновой и по аспектуальному критерию – в этих случаях возможно употребление щ-причастия: *...князь же великии видя многое множество безбожныхъ татаръ и не ста противу имъ и поуха на Кострому и с княгиню и с дѣтмѣ [6890]*. Но предикации с глаголами *слышати* и *увѣдати*, употребляемыми в значении «узнать», в таком контексте не встречаются.)

Раздел 1.4 посвящен вербальным глаголам *глаголати* и *речи*. Эти глаголы чаще всего принадлежат нарративной последовательности, прагматически невыделенными ни в каких контекстах не бывают, но для них характерен ряд четких закономерностей употребления причастных форм, не мотивируемых только синхронными дискурсивно-прагматическими факторами. Появление большинства причастий этих глаголов можно объяснить скорее определенными устойчивыми традициями употребления их как средств ввода прямой речи.

Так, ш-причастия *глаголати* и ш- и щ-причастия *речи* могут использоваться как средства ввода прямой речи, когда предикация с данным глаголом и предикация с другим вербальным глаголом (имея одно подлежащее) обозначают фактически одну ситуацию:

Еще бо живу суцу ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: «се, азъ отхожю свѣта сего, сыновѣ мои; имѣте в себѣ любов...» [6562];

...посла Богъ благодать и даръ Святого духа на нь: вложи ему въ сердце ити пред цесаря Батыя и обличити его прелестъ, им же льститъ крестияны. И прииха къ отцю своему духовному, повѣда ему, глаголя: «хочю ити къ цесарю Батыю...» [6753].

Также именно щ-причастия *глаголати* и причастия *речи* используются тогда, когда эти глаголы с прямой речью имеют то же подлежащее, что и глаголы *поити* и *прити*, или когда вербальная ситуация представляет собой объяснение говорящим своих действий:

...въздвиге на Арсѣниа, мужа кротка и смирена, крамолу велику, простую чадъ. И створише вѣче на княжи дворѣ, и поидоша на владыченъ дворъ, глаголюще сице: «того ради стоитъ тепло долго...» [6736];

...а Нифонтъ его не вѣнця ни попомъ на сватбу ни церенцемъ дать, глаголя: «не достоитъ ея пояти...» [6644];

Посемъ же видѣвши новоторжци даждъ не прибудет из Новаграда рати вѣсташа чернь на боярь, а ркуще: «почто есте новгородцовъ призвавъ» [6848].

Возможно даже употребление ш-причастия глагола *речи*, когда предикация оказывается последней в нарративной последовательности из нескольких, относящихся к одному подлежащему (предшествующий глагол – не *поити* и *прити*):

...«от совокупления мужеска и женска вѣкушаютъ». Сиа слышавъ Володимиръ, плюну на землю и рекъ: «нечисто дѣло есть». [6494].

Многие контексты для этих глаголов-синонимов являются общими, но *речи* и *глаголати* демонстрируют и некоторые различия в употреблении. Во многих случаях для вербальных ситуаций нет необходимости различать мгновенность и длительность, и в этих случаях для *речи* возможны и ш- и щ-причастия, а для *глаголати* – только щ-причастие. Такого рода традиции употребления причастий определенных глаголов принадлежат к тем, которые ничем не мотивированы на системном дискурсивном уровне.

Закономерности употребления причастий глагола *просити* представляют собой редукцию тех же закономерностей для двух уже рассмотренных вербальных глаголов. Его щ-причастие часто обозначает ту же ситуацию, что и другой вербальный глагол (чаще – *посълати* и *присълати* в значении «обратиться»):

Послаша новгородци владыку Давыда къ князю Михаилу с молбою, просяще на окупъ братьи своеи, кто у князя в талѣ; и не послуша его князь. [6825].

Также его щ-причастие изредка используется тогда, когда предикация имеет общее подлежащее с предикацией с глаголом *прити*, описывающей ситуацию, обуславливающую данную:

В се же время приидоша людие новгородстѣи, просяще князя себѣ: «аще не поидет к нам, то мы налѣземъ собѣ князя». [6478].

В разделе 1.5 речь идет о глаголах движения *ити* и *ѣхати*. Предикации с *ити* часто оказываются фоновыми по аспектуальному критерию и именно в этих случаях употребляются щ-причастия глагола (либо в именительном падеже, либо оформленные дательным самостоятельным, если подлежащее предикации не совпадает с подлежащими соседних предикаций):

Прииде князь Юрги из Суздаля къ Смоленску и зваше новгородцовъ на Киевъ на Всеволодка, и не слушаша его. И тогда бѣжа Ростиславъ къ Смоленску къ отцю изъ Новагорода, сентября въ 1, сѣдѣвъ лѣто и 4 мѣсяци; и разгнѣвася Гюрги идя опять къ Суздалю възя Новыи Торгъ [6647];

Володимиру же разболѣвшюся, в се же время бяше у нихъ Борисъ; и Печенѣгомъ идущимъ на Русь, посла противу имъ Бориса [6523].

Для глагола *ити* заметным также оказывается число фоновых предикаций – отсылок назад (если при этом предикация является и фоновой по аспектуальному критерию, используется дательный самостоятельный с щ-причастием):

И то слышавъ Александръ, отецъ Васильевъ, поиде ратью к Новугороду. Идущу Александру съ многыми полкы и с новоторжъци и срѣте Ратешка с перевѣтомъ [6762].

Данный глагол не употребляется в прагматически невыделенных контекстах, однако для него есть определенные ограничения на употребление ш-причастий, связанные с прагматической невыделенностью. Когда предикация с глаголом *ити* принадлежит нарративной последовательности и является не последней в цепочке, относящейся к одному подлежащему, ш-причастие может употребляться, только если эта цепочка не завершается глаголами *прити* или *възвратитися* (это ограничение можно объяснить тем, что в таком контексте, при наличии противопоставления, предикация становится выделенной):

Поставиша Свѣя с воеводою своимъ Сигомъ город в Корѣлѣ; новгородци же, шедши, город розгребоша [6804] (ср. *Иде Ольга во Греки и прииде Цесарюграду* [6463]).

ѣхати в летописном тексте гораздо более редок, чем *ити*. Закономерности его употребления представляют собой редукцию соответствующих закономерностей для *ити*. В фоновом по аспектуальному критерию контексте он тоже оформляется только щ-причастием. Но когда этот глагол оказывается непоследним во фрагменте нарративной последовательности, относящемся к одному подлежащему, всегда используется ш-причастие:

Испроси князь Дмитрии у Новагорода поставити собѣ город Копорью, и ихавъ самъ сруби [6786].

Это одна из тех закономерностей употребления причастий, которые не объяснимы только дискурсивно-прагматическими причинами.

В разделе 1.5 кратко описывается употребление отдельных редких глаголов, демонстрирующих явную привязку к причастному оформлению. Всегда фоновыми по аспектуальному критерию и оформленными щ-причастием бывают предикации с *горѣти*, *копити*, *съсылатися*. Предикации с глаголами *въсходити*, *исходити* (в значении «заканчиваться»), всегда фоновые по аспектуальному критерию, также представляют собой определенные отсылки к календарным периодам времени, и поэтому оформляются дательным самостоятельным с щ-причастием:

Бѣ бо тогда день суботный, въсходящю солнцю; и наихаша полкъ Нѣмци и Чюдъ, и прошибошася свиньей сквозѣ полкъ, и бысть ту сѣча велика Нѣмцом и Чюдѣ [6750].

Рассмотрев закономерности употреблений в летописи щ- и ш-причастий некоторых глаголов, можно подытожить, что хотя распределение предикаций на причастные и финитные выглядит по-разному для разных глаголов, во многих случаях оно обусловлено дискурсивными критериями второстепенности. Так, фоновые по аспектуальному критерию предикации оформляются почти всегда конструкциями с щ-причастием. Однако о полном однозначном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить нельзя: все употребления и щ- и ш-причастий нельзя объяснить дискурсивной второстепенностью. Существуют и определенные традиции использования причастий и устойчивые способы описания определенных ситуаций, не связанные с ней.

Глава 2. Закономерности распределения предикаций на причастные и финитные для некоторых глаголов, имеющих только ш-причастие

В разделе 2.1. речь идет о частых в летописи фазовых глаголах *начати* и *почати*. Для них причастное оформление в целом нехарактерно – что логично, так как во второстепенных по изучаемым прагматическим критериям контекстах они не встречаются. То же самое верно по отношению к обозначающим начало движения глаголам *поити* и *поѣхати*, о которых рассказывается в разделе 2.2.

Раздел 2.3 посвящен глаголам *прити* и *приѣхати*, обозначающим достижение конечной точки движения. В качестве особенности глагола *прити* отметим, что предикации с ним очень часто оказываются фоновыми отсылками назад и при этом часто маркируются причастием. Используется ш-причастие в именительном падеже (возможен и дательный самостоятельный), в контексте же, где предикация является самой последней в цепочке, относящейся к одному подлежащему – только дательный самостоятельный:

Мьстиславъ же и Костянтинъ и два Володимера с полкы поидоша по Юрьк к Володимирию; и пришедше, сташа под городомъ, и тои ноци загорѣся город [6724];

...«въстани, поими отроча и мать его, иди въ землю Израилеву». Пришедшу же ему, вселися в Назаревъ. [речь Философа];

Цесарь же Батыи повелѣ привести волхвы своя; волхвом же пришедшимъ пред цесаря, рече имъ цесарь: «еже есть по обычаю нашему, створите князю Михаилу» [6753].

Когда же предикации с *прити* употребляются в нарративной последовательности, они не бывают прагматически невыделенными, но, тем не менее, могут тоже иногда оформляться ш-причастием – если следующий глагол, имеющий то же подлежащее, не является вербальным:

Того же лѣта пришедше нѣмци в корѣльскую землю и повоеваша 2 погоста [6904]; (Ср. Глѣбъ же, въземь топоръ под скуд, и прииде къ волхву, и рече ему: «то вѣси ли, что утро хочеть быти, что ли вечеръ» [6579]).

Такого рода ограничение на употребление ш-причастий нельзя назвать связанным с дискурсивными критериями.

Закономерности употребления причастий глагола *приѣхати* представляют собой редукцию аналогичных закономерностей глагола *прити*. Предикации – отсылки назад оформляются в основном ш-причастием:

Того же лѣта прихаша послове плесковьскыи в Новъгород, зовуще владыку Василья к собѣ, дабы их благословилъ, и владыка послуша молбы их, поиха к нимъ, и, прихавши, благослови их; и идя изо Пьскова в Новъгород, преставися на пути [6860].

В прочих случаях употребление ш-причастия *приѣхати* возможно (так же, как и в случае глагола *прити*) только не перед вербальным глаголом:

Тои же зимы тѣи же послове нѣмѣчкыи прихавше в Новъгород и товары свои поимахуть и крестъ цѣловалѣ [6899].

В разделе 2.4 речь идет о глаголах *посълати* и *присълати*. Когда эти глаголы употребляются как каузативы от глаголов движения, употребление причастий можно объяснить

критерием, близким к прагматической невыделенности. Причастия используются тогда, когда адресат данной ситуации – участник следующей ситуации (обозначаемой глаголом с тем же подлежащим):

*Посемь же Володимиру живуцу в законѣ крестиянствѣ, помысли создати церковь святыя Богородица; и **пославъ**, приведе мастера от Грикъ [6499];*

*И ркоша плесковици, **приславше** Грчина: «тобѣ, княже, кланяемся и братьи новгородцемъ; на путь не идемъ...» [6736].*

Глагол *прислати* в таком контексте оформляется причастием обязательно.

Когда же эти глаголы употребляются в вербальном значении («обратиться»), предикации с ними не бывают второстепенными ни по какому критерию, однако в редких случаях употребление ш-причастий тоже возможно.

Раздел 2.5 посвящен глаголу *яти* и однокоренным с ним глаголам, близким ему по значению. Употребление ш-причастий этих глаголов оказывается почти всегда простым образом мотивировано прагматической невыделенностью. Так, для самого *яти* и для глагола *изымати* появление ш-причастия возможно только тогда, когда у данного глагола и у глагола, обозначающего следующую ситуацию, общими являются не только подлежащее, но и дополнение; та же закономерность свойственна глаголу *възяти*, если он имеет прямое значение «взять в руки» или если речь идет о захвате города (во всех этих случаях взятый объект подвергают еще некоему дальнейшему воздействию):

*...он же не хотяше царства, и скрыся от них, измѣнивъся въ черныя ризы; а жену его, **емше**, приведоша въ святую Софѣю и много нудиша ю: «повѣжъ намъ: гдѣ есть муж твои» [6712];*

*Пренесоша святая страстотерпца Бориса и Глѣба...**Въземши бо первое Бориса въ древянѣ рацѣ** Изяславъ, Святославъ, Всеволод, **вземши на рама своя** и понесоша, предидуцими черници [6580].*

Для глагола *пояти* («взять с собой») и для глагола *възяти*, если речь идет о захвате денег, материальных ценностей или о заключении мирного договора (т.е. о результате, который можно унести с собой), причастное оформление возможно, когда следующая предикация, имеющая то же подлежащее, описывает отъезд, удаление субъекта. Такие контексты тоже можно считать прагматически невыделенными:

*...(новгородци) Идоша ис Кыева къ Чернигову, и стоявше 12 дни, и взяша миръ, и **въземше дары**, приидоша в Новъгород въси здрави [6722];*

*...ходи князь Ярославъ с новгородци и со плесковици и с новоторжъци и с ладожаны и со всею областью новгородскою к Полотску, и устрѣтоша полочанѣ с поклономъ на озерѣ Касоплѣ; и **вземше миръ**, възвратишася в Новгород [6705];*

*...«еже есть по обычаю нашему, створите князю Михаилу, то потомъ пред мя приведите его». Оним же шедишимъ к Михаилу, глаголюще ему: «цесарь Батыи зовет тя». Он же **поимъ Федора, воеводу своего**, идяше с нимъ [6753].*

Для глаголов *възяти* и *пряти* существует и некоторое число причастных конструкций, чье появление объясняется не второстепенностью предикации, а закономерностями другой природы (дополнение предикации должно в случае причастного оформления принадлежать определенному типу: для *възяти* – оружие или крест, для *пряти* – вообще любой предмет).

Многие употребления причастия глагола *пряти* оказываются также связаны именно с прагматической невыделенностью предикации (только причастное оформление характерно для сочетания *преставися примъши иноческыи чинъ*, где речь идет тоже о закономерно связанных ситуациях):

*Преставися посадник новгородчкыи Михалко, маа въ 18, **примши мнишьскыи чинъ**, и наркоша имя Митрофанъ [6712].*

В **разделе 2.6** описывается употребление глаголов *сѣсти*, *стати*, *въсѣсти*, *въстати* (*въсстати*), обозначающих начала состояний, описываемых глаголами *сѣдѣти* и *стояти*. Употребление причастий глаголов *сѣсти* и *въсѣсти* объясняется прагматической

невыделенностью (в таких контекстах речь идет о посадке в средство транспорта, на котором потом субъект и отправился в путь):

*...приидоша Емь воевать во Вѣдьское озеро в лодкахъ; и прииде вѣсть в Новѣгород на Спасовъ день. Новгородци же **всѣдиши в носады**, погребоша в Ладугу съ княземъ Ярославом. [6736].*

Употребление причастий глаголов *стати* и *вѣстати* не объяснимо критериями второстепенности, ведь предикации с ними не бывают фоновыми. Так, глагол *стати* иногда бывает причастным, когда глагол употребляется не в прямом значении:

*...на зиму, приходи князь Дмитрии к Новугороду ратью и много пакости створи волости новгородской; и **ставъ на Шелонѣ**, створи миръ, и отъиде [6782].*

Глагол *вѣстати* (*вѣсстати*) всегда оформляется причастием, когда употребляется в буквальном значении «подняться на ноги»:

*...бѣ бо ему вѣсть уже, яко хотять убити и **вѣставъ**, нача пѣти: «Господи, что умножишиися стужаюци ми» [6523].*

Раздел 2.7 посвящен глаголам *оставити* и *посадити*, могущими выступать как каузативы от глаголов *сѣдѣти* и *стояти*. Для них причастное оформление возможно тогда, когда предикация является прагматически невыделенной, т.е. когда глагол употребляется в значении «оставить/посадить вместо себя», а следующая предикация, имеющая то же подлежащее, описывает отъезд, удаление субъекта:

*Поиде Мъстиславъ къ Киеву, **оставивъ княгиню в Новѣгородѣ и сына своего Василья**; и поя съ собою Юрья Иванковица [6725];*

*...почаша ѣздити оканнии по улицамъ, пишуще дома крестьяньскыя... И отѣхаша оканнии, возьмше число, а князь Александръ послѣ поиха, а сына своего **Дмитрия посадивъ на столѣ**. [6767].*

Редко оформляется причастием глагол *послушати* (о котором речь идет в **разделе 2.8**), причем прагматическими критериями второстепенности эти употребления не объясняются.

Предикации с глаголом *повелѣти* (**раздел 2.9**) не бывают второстепенными ни по какому критерию, но его причастия все же появляются в том редком случае, когда действие, обозначаемое исследуемым глаголом, одновременно или предшествует другому вербальному:

*... новгородци от себе послаша Федора Колесницю во Орду къ цесареву; и отпусти я цесарь, и **повелѣвъ искати князя Олександра**. И посла князь Иванъ свои послы, а новгородци от себе владыку Моисия и Авраама тысячкого къ князю Александру въ Плесковъ [6836].*

Крайне редко оформляется причастием глагол *убити* (**раздел 2.10**) – лишь когда предикация с ним является фоновой отсылкой назад. Это закономерно, так как прагматически невыделенными предикации с ним не бывают.

Раздел 2.11 посвящен глаголу *сѣдумати*. Этот глагол чаще всего употребляется в значении «принять коллективное решение, обсудить». В фоновых контекстах предикации с данным глаголом не встречаются и не ясно, чем мотивировано частое употребление его причастий в контекстах, когда он используется в этом основном значении:

*Приидша плесковици и ладожанѣ Новугороду и выгониша князя Всеволода из города и **пакы сдумавъше** въсѣптиша и опять Устѣяхъ [6640].*

Редко оформляется причастием глагол *пустити* (**раздел 2.12**), никогда не оказывающийся в прагматически невыделенных контекстах.

Большинство причастных употреблений глагола *доити* (**раздел 2.13**) мотивировано фоновостью предикации. Он оформляется причастием в случае прагматической невыделенности:

*Иде Даньславъ Лазутиницъ съ дружиною Киеву къ Мъстисаву по сынѣ ... идоша новгородци съ Якуномъ противу ихъ. Инии же не **дошедъше** воротишася не успѣша бо ничтоже [6675].*

Хотя иногда причастное употребление возможно для него и в контексте, где предикация и не является второстепенной ни по какому из критериев.

В разделе 2.14 речь идет о некоторых редких в летописи глаголах. *Възрѣти*, *възддохнути*, *утаитися* всегда употребляются в прагматически невыделенном контексте и оформляются ш-причастием. Так же причастно оформляется и глагол *дождьдатися*. Дательным самостоятельным с ш-причастием всегда оформляются глаголы *настати* и *приспѣти*, предикации с которыми представляют собой отсылки к календарю:

Настанучю мѣсяца марта въ 7, бѣжа Костянтинъ посадникъ къ Всеволоду инѣхъ добрыхъ мужь нѣколко [6645].

В целом проделанное в главе 2 исследование подтверждает, что во многих случаях закономерности распределения предикаций на причастные и финитные связаны с дискурсивными критериями второстепенности, хотя и выглядят несколько по-разному для изученных глаголов. Эти закономерности могут носить и характер ограничений, а не однозначных соответствий: так, при прагматической невыделенности предикации употребление ш-причастия, как правило, не обязательно, а только возможно. Некоторые же традиции употребления ш-причастий оказываются вообще не связаны с дискурсивной второстепенностью – можно предположить, что в ряде случаев определенные синтаксические средства выражения оказывались просто привязанными к определенным лексическим единицам.

Глава 3. Функции причастных оборотов разных типов. Материал первых двух глав позволяет сделать ряд обобщений по поводу того, какие из употреблений причастных оборотов принадлежат к регулярным типам, а какие редки и случайны.

Раздел 3.1. посвящен оборотам, оформленным именительным падежом. **В подразделе 3.1.1** речь идет о дискурсивных функциях причастных оборотов традиционного типа, т.е. тех, которые имеют глагол-вершину с тем же подлежащим.

Для **щ-причастий** почти всех изученных глаголов характерен такой контекст, где ими оформляется просто фоновая по аспектуальному критерию предикация (при этом обозначаемая ею ситуация не связана каким-либо ожидаемым образом с другими и не находится с ними в причинно-следственных отношениях), а глагол-вершина данного причастного оборота принадлежит нарративной последовательности:

...сии же приидоша на княжъ дворъ. Изяславу сѣдящу на сѣнехъ с дружиною своею, и начаша прѣтися съ княземъ, стояще долѣ [6576].

Употребление щ-причастия при этом, видимо, вообще обязательно.

Для щ-причастий некоторых из исследованных глаголов характерно и такое употребление, когда ими оформляется фоновая по аспектуальному критерию предикация, имеющая общее подлежащее только с другой такой же фоновой (т.е. когда глагол-вершина причастного оборота сам обозначает незавершенную ситуацию):

Фрязи же увѣдавшие, яко изимаша Исаковица, воеваху волость около града, просяще у Муръчюфла: «даи намъ Исаковица, ...» [6712, повесть о взятии Цареграда].

Впрочем, такого рода сочетаний предикаций в нарративе совсем мало, поэтому мало и подобных примеров на щ-причастия в исследуемом тексте.

Если же при этом для глагола можно выделить прагматически выделенные и невыделенные по отношению к следующей предикации контексты, то причастие используется в невыделенных. Таковы употребления щ-причастия глагола *хотѣти* в контексте, где его глагол-вершина обозначает реализацию субъектом его намерения, и употребления щ-причастий глагола *видѣти* в таких контекстах, где его глагол-вершина обозначает реакцию субъекта на воспринятое:

...въложи Богъ въ сердце князю Литовьскому Наримонту, нареченому въ крещении Глѣбу, сыну великого князя Литовьскаго Гедимина, и присла в Новъград, хотя поклонитися святѣи Софѣи; и послаша новгородци по него [6841];

Князь же великии видя многое множество безбожныхъ татаръ и не ста противу имъ и поуха на Кострому и с княгинею и с дѣтми [6890].

Также для щ-причастий вербальных глаголов возможны особые функции в контекстах, где глагол-вершина причастного оборота принадлежит определенному типу. Это связано с тем, что такие причастия являются средствами ввода прямой речи. Для щ-причастий *глаголати*, *речи* (а также менее употребительного *просити*) характерен такой контекст, где обозначаемая ими ситуация одновременна другой невербальной (обозначаемой принадлежащим нарративной последовательности глаголом-вершиной) и в то же время обусловлена ею. Таковы употребления щ-причастий при имеющих то же подлежащее глаголах *прити/поити* и синонимичных им. Также для щ-причастий вербальных глаголов характерен такой контекст, когда вводимая ими прямая речь субъекта представляет собой объяснение им причин своих действий:

В се же время приидоша людие новгородстѣи, просяще князя себѣ: «аще не поидет к нам, то мы налѣземъ собѣ князя» [6478];

...а Нифонтъ его не вѣнчя ни попомъ на сватбу ни церенцемъ дать, глаголя: «не достоитъ ея пояти...» [6644].

Щ-причастия в особых случаях маркируют предикации, которые нельзя назвать фоновыми по аспектуальному критерию. Причастия глаголов *речи* и *глаголати* (а также *просити*) могут иметь специальную функцию, связанную с тем, что эти глаголы описывают ситуации, обязательным участником которых является произносимая речь: есть традиция употреблять эти причастия как маркеры ввода прямой речи при других глаголах с вербальным значением:

...новгородци же послаша по Дмитриа Александровича; Дмитрии же отречеся, ркуще им: «не хочу взяти стола перед строемъ своимъ» [6776];

Конструкция с ш-причастием в именительном падеже является самой частотной из всех изучаемых в данной работе: в нарративе ш-причастие, описывающее законченные события, встречается, естественно, чаще, чем щ-причастие. Одна из четко выделяющихся функций ш-причастия есть маркирование фоновых предикаций – отсылок назад. Это могут быть как сообщения о конце процесса, о начале которого уже шла речь раньше, так и повторы информации о моментальных событиях:

«...а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль, а Игореву Володимирь, а Вячеславу Смолнескъ». И тако рекшии, раздѣли имъ грады; и заповѣда имъ не преступати брату въ предѣль братинь, ни сгонити» [6562];

...придоша иноплемьници, глаголемѣи Татарове, на землю Рязаньскую, множество беицисла, акы пружи; и прѣвое пришедише, стаиша о Нузлѣ, и взяша ю [6743].

Во всех прочих случаях предикации с ш-причастиями принадлежат нарративной последовательности, однако все равно по некоторым критериям примеры на ш-причастия отличаются от финитных.

Ш-причастие может маркировать прагматически невыделенные предикации, принадлежащие нарративной последовательности: причастное оформление оказывается возможным (или даже весьма вероятным) для предикации, когда следующая ситуация принадлежит к некоторому классу таких, которые связаны с данной ожидаемым образом. Такое употребление возможно для ш-причастий не всех исследованных глаголов, а только тех, для которых в силу их семантики (и хотя бы в одном из значений) возможны такого рода ожидаемые, стереотипные сочетания с другими:

Литвы многое множество ту костью падоша, толко Богъ вѣсть; а князь Витовтъ, то видѣвъ, на бѣги обратися [6907];

Свѣи много исѣкоша, а иных поимаша, а у города у Выбора охабень возьмъ и пожьжгоша мѣсяца марта въ 26 [6919];

Глѣбъ же въборзѣ въсѣдъ на конѣ, с маломъ дружины поиде [6523];

Иде Ростиславъ из Новагорода Киеву на столъ, оставивъ сына Давыда Новегородѣ [6662].

Во всех этих случаях правило оформления ш-причастием предикации, прагматически невыделенной относительно следующей, не выполняется стопроцентно.

Есть также некоторые ш-причастия, принадлежащие нарративной последовательности, дискурсивные функции которых не настолько ясны, но употребление которых обуславливается рядом прагматических закономерностей. Так, для ситуаций движения нет никаких таких следующих, с которыми бы они были связаны ожидаемым образом, но все же одна закономерность употребления причастия глагола *ити* объясняется прагматической выделенностью: оно не используется тогда, когда цепочка глаголов, в которой находится *ити*, завершается глаголами *прити* или *възвратитися*, т.е. когда предикация с этим глаголом оказывается одной из ключевых:

Поставиша Свѣя с воеводою своимъ Сигомъ город в Корѣлѣ; новгородци же, шедши, город розгребоша [6804] (ср. *Иде Олга во Греки и прииде Цесарюграду* [6463]).

Есть и определенные традиции в использовании причастий, которые нельзя объяснить, исходя только из теоретических представлений о том, каковы критерии второстепенности предикации. Ш-причастия некоторых глаголов появляются с большой частотой тогда, когда глагол употребляется в определенном значении (и ситуация, описываемая им, имеет участников определенного типа), но при этом глагол-вершина может быть любым:

Глѣбъ же, въземъ топоръ под скуд, и прииде къ волхву, и рече ему: «то вѣси ли, что утро хочеть быти, что ли вечеръ»...Глѣбъ же, выимя топоръ, ростя и, и паде мертвъ; и людье разидошася [6579];

Нъ въсприимъ псаломьскую пѣснь и рече: «суди, Господи, обидящимъ мя и възбрани борющимся со мною, прими оружие и щитъ, стани в помощь мнѣ». И скончавъши молитву, и вѣставъ, поклонися архиепископу. Епископъ же Спиридонъ благослови его [6748].

В объяснение таких употреблений мы можем только предположить, что некоторые из них восходят к образцовым для летописца текстам или, по крайней мере, явились результатом переинтерпретации материала этих образцовых текстов.

Если обратиться к особым функциям, которые могут иметь ш-причастия только отдельных глаголов, то следует выделить вербальные глаголы. Для ш-причастий *речи* (почти так же, как и в случае щ-причастий) характерно такое употребление, когда оформленная им предикация обозначает иным образом фактически ту же ситуацию, что и глагол-вершина, вводя при этом прямую речь:

Князь Витовтъ Литовьскыи Кестутъевич присла в Новъгород възметную грамоту, рекъ тако: «обеществовалѣ мя есте, что было вам за мене нятися...» [6907];

Наконец, иногда встречаются ш-причастия глаголов, которым причастное оформление вообще почти не свойственно (*повелѣти, посылати, стати*) или не свойственно в данном ситуационном контексте (где предикация принадлежит нарративной последовательности и не является прагматически невыделенной). Такие примеры редки, по одному-два на глагол; но они показывают, что некоторая вариативность при выборе способа оформления предикации возможна почти всегда, и подтверждают, что (хотя большая часть употреблений ш-причастий обусловлена рассматриваемыми факторами дискурсивного плана или просто наличием традиций причастного оформления для определенных глаголов) вероятность причастного оформления существует и тогда, когда эти факторы ему не способствуют. Возможно, это обусловлено тем, что у конструкции с ш-причастием, в отличие от конструкции с щ-причастием, нет ни одного значения, которое можно было бы считать основным (она не связана с фоновыми контекстами только одного конкретного типа), или тем, что у ш-причастия нет такой функции, которая была бы универсальной для причастий абсолютно всех глаголов.

Подраздел 3.1.2 посвящен именительному самостоятельному – конструкции с краткими причастиями в именительном падеже, для которой нет глагола-вершины с тем же подлежащим. В исследуемом тексте такие причастные обороты достаточно немногочисленны, однако они заслуживают подробного рассмотрения, которое проиллюстрировало бы действие одного из механизмов переосмысления церковнославянского синтаксиса в книжном языке средневековой Руси.

Как уже было сказано, для **оборота с щ-причастием** в именительном падеже синтаксически традиционного типа обычен такой контекст, где им маркируется просто фоновая по аспектуальному критерию предикация, обозначающая ситуацию, не связанную с одновременной ожидаемым образом и не входящую в причинно-следственные цепочки. Если же подлежащее данной предикации не совпадает при этом с подлежащим предикации нарративной последовательности, обозначающей одновременную ситуацию, используется чаще всего дательный самостоятельный. Но в исследуемой летописи в таком контексте может использоваться и щ-причастие в именительном падеже:

Того же лѣта, идуци изъ заморья гость, потопе лодѣи 7: и сами истопоша и товарь, а друзии вылѣзоша, нь нази [6638]⁷.

Щ-причастия некоторых глаголов, видимо, изредка могут оформлять фоновую по аспектуальному критерию предикацию, обозначающую ситуацию, одновременную только другой такой же незаконченной, независимо от того, как эта одновременная ситуация обозначена:

...понесоша я в лодыи. Онѣ же сѣдяще и гордящеся въ великихъ перегахъ и сустугахъ. И пакы принесоша я на дворь къ Олзѣ [6453].

У именительного самостоятельного с щ-причастием есть функции, возможные только для некоторых глаголов – для тех же самых, что и в случае оборота с щ-причастием синтаксически традиционного типа, а именно *видѣти* и *слышати* в прагматически невыделенном контексте:

Преподобному же князю Михаилу пребывающу в Черниговѣ и видя многы прельщающася славою мира сего, посла Богъ благодать и даръ Святого Духа на нь: вложи ему въ сердце ити предъ цесаря Батыя и обличити его прелесть [6753].

В ряде случаев данная конструкция маркирует контексты, вообще не являющиеся фоновыми по аспектуальному критерию. Ряд особых употреблений обнаруживает щ-причастие глагола *хотѣти* (возможно, из-за того, что автор хотел выделить с его помощью некоторые редкие контексты с данным модальным глаголом, а возможно, просто потому, что данный глагол вообще чаще всего оформляется щ-причастием):

...про то был в Новѣгородѣ, занеже брат его князь великий Василии хотѣлъ его в челованье привести под своего сына Василья; и онъ не хотя быти под своимъ братаничем, и князь Василии возверже нелюбие на него [6927];

...оскверняху землю требами своими; и осквернися земля Руская кровьюми и холмъ тѣи. Нь преблагий Богъ не хотя смерти грѣшникомъ: на томъ холмѣ церкви святого Василиа есть, якоже послѣди скажемъ. Мы же на преднее възратимся [6488].

Точно так же, как и в случае оборота традиционного типа, щ-причастия глаголов *речи* и *глаголати* могут трактоваться как маркеры ввода прямой речи при конструкциях с вербальным значением. При этом субъектом причастного оборота может быть единственный одушевленный участник описываемой ситуации (не являющийся подлежащим финитного глагола):

...вниде лжа по городу, ркуще сице: «выдалъ Твердиславъ Матѣя къ князю»; и съзвониха вѣче у святого Николы ониполовицѣ и чресъ ночь, а Неревьскыи конецъ у святыхъ 40-тъ, такоже копяще люди на Твердислава. [6726].

Щ-причастие *глаголати* может и в других случаях осмысляться как маркер ввода прямой речи: им оформляются предикации, принадлежащие нарративной последовательности:

...приидоша на свою землю. Татарове же нужею Батыеви глаголюще имъ: «не подобаетъ вамъ жити на земли кановѣ и Батыеви, не поклонивъшеся има»; мнозѣ же, шедши, поклонихася [6753].

⁷ Эта фраза так же, как и некоторые другие, появилась в результате изменения смысла при переписывании, но в любом случае то, что автор Комиссионного списка превратил причастный оборот в самостоятельный, свидетельствует о том, что употребление именительных самостоятельных такого типа не противоречило его представлениям о книжной норме.

Подводя итоги, заметим, что наиболее частой функцией для изучаемой конструкции является маркирование фоновых по аспектуальному критерию предикаций, хотя употребляется она и в других функциях. Содержательного сходства с аналогичными конструкциями с традиционным синтаксисом не демонстрируют только употребления щ-причастия глагола *хотѣти*. В прочих случаях (в том числе и в тех, когда причастие понимается как не имеющее синтаксических ограничений средство ввода прямой речи) употребление данной конструкции обусловлено теми же дискурсивными факторами, что и употребление несамостоятельных оборотов с щ-причастием.

Употребление некоторых **именительных самостоятельных с ш-причастием** тоже обусловлено теми же факторами, что и употребление конструкции традиционного типа. Так, есть примеры на именительный самостоятельный с ш-причастием глагола *прити*, маркирующим фоновую предикацию – отсылку к назад:

... (царица Анна) *поиде чресь море. Якоже пришедши къ Корсуню, излѣзоша корсунянѣ из града, и приидоша на брегъ, и поклонишася цесарици* [6496].

Ш-причастие глагола *сѣдѣти* (в значении «находиться») может употребляться для маркирования предикации, прагматически невыделенной относительно следующей:

...*выгнаша Святослава, и введоша Мьстислава, Юрьевъ внукъ, Ростиславича. И тѣ сѣдивъ год, и выведе его строи волею*, [6497].

Имеются и другие конструкции с ш-причастием, которые также представляют собой результат переосмысления одной из содержательных закономерностей употребления такого причастия. Причастие глагола *речи* (так же, как и щ-причастие *глаголати*) может осмысляться как маркер ввода прямой речи, для употребления которого нет синтаксических ограничений:

И рече има Янь: «по истинѣ прельстилъ вы есть бѣсъ; коему богу вѣруета». Она же рекоста: «Антихѣсту». Он же има рекъ: «то гдѣ есть». Она же ркоста: «сѣдитъ въ безъднѣ» [6579].

Но имеется и несколько редких примеров на именительный самостоятельный, которые не представляют собой результаты переинтерпретации какой-либо конкретной содержательной закономерности употребления ш-причастия, но лишь подтверждают, что некая небольшая вероятность причастного оформления существует и в тех случаях, когда ни один фактор ей не способствует:

...*и отступиши въ островъ далече, а Емь на брезѣ с полономъ: воевалѣ бо бяху около озера на усадѣх. Тои же ноци просивше мира, и не дасть имъ посадникъ с ладожаны* [6736].

Некоторые особые примеры на именительный самостоятельный с ш-причастием объединяет то, что они находятся не в самом нарративе, а внутри прямой речи действующих лиц. Контексты подобного рода являются единственными в летописи, где можно было бы ожидать появления категорий с функциями перфекта. Если согласиться с той гипотезой, что возникший в достаточно ранний период истории языка разговорный отдепричастный перфект мог как-то отразиться в летописи⁸, то эти примеры на именительный самостоятельный из прямой речи окажутся первыми «кандидатами» на отражение этого перфекта

В то же лѣто прииде князь Семеон из Орды и насла на Торжокѣ дани брати, и почаша силно дѣяти... Ко князю послаша прежде того Кузьму Твердиславля из Новагорода с жалобами: «еще не сѣд у насъ на княжении, а уже боярѣ твои дѣют силно». [6848].

Однако в прямой речи в летописи употребляется и старый перфект в его исконном значении, а примеров на именительный самостоятельный в типичном для перфекта контексте слишком мало для того, чтобы делать выводы.

Таким образом, функции данной конструкции оказываются в целом теми же, что и у несамостоятельного оборота с ш-причастием: маркирование фоновых отсылок назад, прагматически невыделенных предикаций, ввод прямой речи. Некоторые употребления именительного самостоятельного с ш-причастием невозможно объяснить просто тем, что авторы следовали содержательным закономерностям употребления причастий даже тогда,

⁸ См. Горикова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка: Учеб. пособие. М., 1981.

когда они вступали в конкуренцию с синтаксическими правилами. Но точно так же не объяснимы с точки зрения содержательных факторов и некоторые употребления традиционного оборота, чьими аналогами и можно считать данные.

Надо полагать, что в целом употребление именительных самостоятельных в исследуемом летописном тексте демонстрирует достаточно раннюю стадию процесса превращения в книжном языке средневековой Руси причастных по происхождению форм в полные аналоги финитных – только небольшая часть данных конструкций здесь, повторимся, не привязана к определенным содержательным контекстам. Следующим же этапом этого процесса постепенной переинтерпретации следует считать увеличение доли таких конструкций, т.е. превращение бывшего краткого причастия в категорию, не только по формальным, но и по дискурсивным параметрам не отличающуюся от финитных форм.

Раздел 3.2. посвящен дательному самостоятельному.

В подразделе 3.2.1 рассмотрены функции конструкций, **чье подлежащее не совпадает с подлежащим глагола-вершины**, так как эти дательные самостоятельные являются более традиционными с точки зрения синтаксиса, да и встречаются в нарративе с большей частотой.

Дательные самостоятельные такого типа **с щ-причастием** маркируют фоновые по аспектуальному критерию предикации. При этом достаточно часто их нельзя назвать второстепенными по иным дискурсивным параметрам:

*...поидоша на нь и обоидоша дворъ около его. **Оному же стоящу на сѣнх съ сыномъ своимъ, и рѣша ему: «вдаи сына своего, да вдамы богомъ»** [6491];*

*...рекше ему: «прииди к намъ, яко не створим ти зла». Онъ же, надѣяся о цѣловании креста, прихавши в лодыи чресъ Днепръ. **Изяславу же в шатерь преди идущу, Всеславу по немъ идущу, тако Всеслава яша на Риши у Смоленьска, преступивше крестъ** [6576].*

Обороты этого типа можно считать эквивалентами конструкций с щ-причастием в именительном падеже для случая, когда подлежащее предикации не совпадает с подлежащим глагола-вершины.

Достаточно часто дательным самостоятельным с щ-причастием маркируются предикации, фоновые по двум критериям: по аспектуальному и являющиеся при этом отсылками назад. Такое употребление возможно, видимо, для всех глаголов.

*...рече Михаилу Федоръ: «слово отца своего духовнаго помниши ли, еже учаше нас от святого Еуангалиа». **Се же глаголющу Федору к Михаилу, они же начаша и молити и прилѣжно, да послушаетъ** [6753];*

*И рече Володимиръ: «**требите путь и мосты мостите**»; **хотяшетъ бо поити на Ярослава, сына своего; абие разболѣся ... Хотящую ити на Ярослава Володимиру, Ярославъ же посла за море, приведе Варягы, бояся отца своего** [6523].*

К предикациям, являющимся фоновыми отсылками назад, близка еще одна особая группа: предикации, привязывающие события, о которых идет речь, к известной читателю (хотя и не из данного текста) временной сетке:

*...и владыка Семеонъ, вшед въ церковь святыхъ Софѣя, съ иерѣи, съ крилошаны, **уже свитающую дни в понедѣльник, и повелѣ молбенъ пѣти святѣи Богородици за весь родъ христианьскыи о преставлении гнѣва Божиа** [6929].*

Употребляемые в них глаголы достаточно редки и в других контекстах не появляются.

В целом же употребление рассматриваемой конструкции оказывается увязанным с рассматриваемыми дискурсивными факторами – видимо, совершенно аналогичными были контексты, в которых появлялся такой дательный самостоятельный, и в образцовых для летописцев текстах.

Дательные самостоятельные **с ш-причастием**, имеющие подлежащее, отличное от подлежащего глагола-вершины, могут в исследуемом тексте иметь самые разные функции. Так, в некоторых редких случаях дательный самостоятельный этого типа оказывается синтаксическим эквивалентом оборота с ш-причастием в именительном падеже, маркируя прагматически невыделенные предикации:

Прииде от Чернигова къ Новугороду князь Ярополкъ Ярославичъ на вербъницю, мѣсяца марта; и сѣдѣвши ему одну 6 мѣсяць, и выгнаша его из Новагорода, и послаша опять по Ярослава с Новаго торгу в Володимирь, позвани Всеволодомъ. [6705].

Для одного глагола прити характерно использование такого дательного самостоятельного для оформления фоновых предикаций – отсылок назад:

...выиде князь великый Юрьи из Орды с Татары и со всею Низовьскою землею и поиде къ Тфѣри на князя Михайла ... **Князю же Юрью пришедшю с полкы близъ Тфѣри за 40 верьсть, и ту выиде на нь Михаило князь со Тфѣри** [6826].

Точно так же, как и оборот с щ-причастием, конструкция с ш-причастием может указывать на период времени, календарную дату, с которой соотнесены происходившие события:

...в сии бо день концѣвается постъ 40, начинаемъ от прѣваго понедѣльника, **наставшю Федоровѣ недѣли**, кончается в пяток Лазаревъ [6582].

Особую функцию имел оборот с быти, могущий маркировать фоновые по аспектуальному критерию предикации:

Того же лѣта князь великый Василии, собравъ вои, и поиде на того же Махмета и приде въ Суздаль; и бывшю ему въ **Еуфимьева монастыря**, и без вѣсти наидоша Татарове, и бысть сѣча велика [6953].

Все прочие употребления дательного самостоятельного с ш-причастием не удовлетворяют ни одному из рассматриваемых критериев второстепенности. Среди таких оборотов тоже могут быть лексикализованные, устойчивые конструкции:

Того же лѣта и в Литвѣ бысть мятежь, **Богу поущшю на них гнѣвъ свои**: вѣсташа сами на ся, убиша князя велика Миндовга свои сродници, свѣщавшеся отаи всѣх [6771].

Специфическую функцию мог иметь оборот с глаголом речи – вводить реплики в диалоге:

Единою же пиущю Ростиславу съ дружиною своею, рече котопанъ: «княже, хоцю на тя пити». **Оному же рекию**: «пиш» [6574].

Для многих из исследованных глаголов появление дательных самостоятельных с ш-причастием вообще нехарактерно.

В целом дательный самостоятельный с ш-причастием встречается чаще, чем оборот с щ-причастием (что естественно для нарратива), и функции его могут быть разными: маркирование фоновых по аспектуальному критерию контекстов (только для стативного глагола), фоновых отсылок назад, прагматически невыделенных предикаций. Для причастий некоторых глаголов характерно употребление в особых контекстах, не мотивируемое исследуемыми дискурсивными параметрами. Точно так же, как и в случае оборота с ш-причастием в именительном падеже, некоторая вероятность оформления дательным самостоятельным с ш-причастием существовала и для любой предикации, так как данная конструкция не связана с фоновыми, «второстепенными» контекстами преимущественно одного конкретного типа.

В подразделе 3.2.2 речь идет о **дательных самостоятельных, чье подлежащее совпадает с подлежащим глагола-вершины**, происшедших в результате разрушения церковнославянских правил синтаксиса кратких причастий. Данная конструкция, не характерная (точно так же, как и традиционный дательный самостоятельный) для книжного, более близкого к разговорному, стиля, не свойственна и церковнославянскому (так же, как именительный самостоятельный). Таким образом, ее появление не было результатом ни копирования образцового узуса, ни прямого влияния разговорного языка – работал исключительно механизм переинтерпретации.

Дательный самостоятельный с щ-причастием в контекстах, фоновых только по аспектуальному критерию, почти не употребляется. Зато его функцией (так же, как и в случае оборота с подлежащим, не совпадающим с подлежащим глагола-вершины) часто оказывается маркирование предикаций, фоновых по аспектуальному критерию и представляющих собой отсылки назад:

...бѣ нѣкто муж старѣшина в земли Ижерьскои, именемъ Пелгусии, поручена же бѣ

ему стража морская... **Стоящу же ему при краи моря, стрегущу обою пути, и пребысть въсю ночь въ бдѣнии** [6748];

...(Игорь) **возмя дань и поиде въ свои град. Идущу же ему въспять, размысливъ, рече дружинѣ своей: «идѣте с данью домовъ, а язъ возвращуся»** [6453].

Такое употребление возможно, видимо, для всех глаголов.

Остальные, причем весьма немногочисленные, примеры на дательный самостоятельный с щ-причастием не маркируют отсылку назад. Так, для глагола *слышати* оборот с щ-причастием в дательном падеже может в редких случаях появляться в контексте, гораздо более типичном для ш-причастия в именительном падеже, т.е. маркировать предикацию, невыделенную по отношению к следующей:

Егда же ему приближивишюся, и се слышащим ординьским князем приход князя рускаго Александра грознаго, повѣдаша цесареви; и се начаша его стрѣтати [6754].

Точно так же, как и в других случаях, для оборота с щ-причастием в дательном падеже возможно употребление в контексте, вообще характерном для финитных форм:

...**прииде с поклономъ съ князи Половечьскими къ зятю своему в Галиць ко Мьстиславу и ко всѣмъ княземъ рускымъ, и дары принесе многы: кони и вельблуды и буволы и дѣвки, и одариша князеи русских, и сице глаголющу ему тако: «нашу землю суть днесь отняли, а вашу заутра пришедше возмут», и молися Котьянь зятю своему** [6732].

В целом функции данной конструкции частично совпадают с функциями «традиционного» дательного самостоятельного с щ-причастием, но есть вполне закономерные исключения: данный оборот (за особым исключением) не маркирует предикаций, фоновых только по аспектуальному критерию, и отсылку к календарю. Этот дательный самостоятельный может маркировать и предикации, прагматически невыделенные по отношению к следующей в нарративной последовательности. Применение данной конструкции, так же, как и других, может быть и не мотивировано никакими содержательными факторами.

Большинство предикаций, оформленных **дательным самостоятельным с щ-причастием** (так же, как и в случае оборота с щ-причастием), являются фоновыми по тому критерию, что представляют собой отсылки назад:

...**посла два Варяга прикончатъ его. Онѣма же пришедшима, и видѣша, яко еще живу сущу ему, единь ею извлекъ мечь, пронзе и въ сердце** [6523].

Для глагола *слышати* (точно так же, как и в случае оборота с щ-причастием) оборот с щ-причастием в дательном падеже может также в редких случаях появляться в контексте, гораздо более типичном для ш-причастия в именительном падеже, – маркировать предикацию, невыделенную по отношению к следующей:

...**«аще можеша противитися мнѣ, королевѣ, то се уже есмь здѣ и плѣню землю твою». Князю же Александру слышавши словеса их, разгорѣся сердцемъ, и вниде въ церковь святыя Софѣя** [6748].

Точно так же, как и в других случаях, для оборота с ш-причастием в дательном падеже есть примеры употреблений в контекстах, гораздо более характерных для финитных форм:

...**убиша князя Олександра и сына его Федора в Ордѣ погании Татарове: призвалъ бо его бляше цесарь Озбьякъ с лестью, хотя и убити, тако рекъ: «хочеть ты цесарь жаловати»; оному же послушавъшю поганиаго льстивых словесъ и пришедшю и убиена быста** [6847].

Таким образом, функции данной конструкции иногда совпадают с функциями традиционного дательного самостоятельного с щ-причастием (наиболее частая из этих функций – маркирование фоновых отсылок назад), но есть вполне закономерные исключения: ею не оформляются отсылки к календарю. Точно так же, как и другие обороты с причастием в дательном падеже, данный может использоваться изредка в контексте, гораздо более характерном для ш-причастия в именительном падеже (маркировать прагматически невыделенные предикации), а также употребляться и в контекстах, для которых вообще обычно финитное оформление.

В целом же для дательных самостоятельных всех возможных типов (в отличие от оборотов с причастием в именительном падеже) только в редких случаях характерна связь

с таким параметром, как прагматическая невыделенность. Во многих контекстах, где появляется дательный самостоятельный, вообще с большей частотой употребляются другие формы. Наиболее конкретной, определенной функцией таких конструкций, где они являются наиболее частым способом выражения, оказывается только маркирование фоновых предикаций – отсылок назад. Поэтому не удивительно, что закономерности его употребления в разных памятниках могли значительно отличаться: он мог и переосмыслиться как синоним обычного причастного оборота и, наоборот, сфера его употребления могла сужаться единственно до лексикализованных оборотов (как это и имело место в языке позднейшей эпохи).

Основные выводы работы можно сформулировать следующим образом:

1. Использование конструкций с краткими причастиями действительно во многих случаях обусловлено дискурсивными критериями второстепенности. Однако о полном однозначном соответствии критериев выбора причастного способа оформления и критериев второстепенности предикации говорить нельзя. Дискурсивные критерии определяют оптимальный (и поэтому наиболее частотный) выбор личного или причастного оформления, однако степень детерминированности этого выбора различна для разных параметров.

2. Для каждого конкретного исследованного глагола закономерности распределения предикаций на причастные и финитные носят индивидуальный характер. Прежде всего это явление связано с тем, что разные глаголы фигурировали в фоновых контекстах разных типов (это определялось как характером и кругом тем летописного повествования, так и семантикой самих глагольных лексем, ведь даже для одного глагола в разных значениях эти закономерности могли различаться).

3. Причастные обороты могли появляться и в контекстах, которые нельзя назвать второстепенными. Существовали устойчивые традиции описания определенных ситуаций с использованием причастной конструкции, которые не мотивируются дискурсивными факторами. В некоторых случаях можно отметить, что такова и традиция образцовых для восточнославянского книжника текстов (прежде всего Св. Писания). Некоторые не самые частотные глаголы вообще оформляются причастием почти всегда (или почти всегда в определенном значении). Может быть, здесь мы сталкиваемся с такой переинтерпретацией узуса образцовых текстов, когда определенные синтаксические средства выражения оказывались просто привязанными к определенным лексическим единицам.

4. Прделанная работа позволила также очертить круг основных функций причастного оборота каждого типа. Для конструкций с щ-причастием в именительном падеже это прежде всего маркирование фоновых по аспектуальному критерию предикаций. Для конструкций с ш-причастием в именительном падеже (а их в нарративе больше всего) таких дискурсивных функций несколько, и нельзя выделить одну инвариантную. Чаще они использовались для выделения прагматически невыделенных предикаций и фоновых отсылок назад (прагматических презумпций). Конструкции с щ-причастием в дательном падеже маркируют предикации, являющиеся фоновыми по аспектуальному критерию и при этом чаще всего одновременно и фоновыми отсылками назад. Предикации, оформленные ш-причастием в дательном падеже, нередко тоже представляют собой отсылки назад (прагматические презумпции), изредка они бывают прагматически невыделенными. Для определенных глаголов эти синтаксические конструкции могли иметь и специальные функции; появление некоторого количества дательных самостоятельных с ш-причастием оказывается и не мотивированным никакими содержательными факторами.

5. Изучение функций причастных оборотов с нетрадиционным для стандартного церковнославянского языка синтаксисом (именительного самостоятельного, оборота с причастием в дательном падеже с «несамостоятельным» субъектом) позволило подробнее прояснить характер одного из механизмов переинтерпретации закономерностей использования книжных элементов и конструкций. Причастные обороты такого типа имели в целом те же содержательные закономерности употребления, что и синтаксически традиционные причастные обороты. Это значит, что, стремясь употреблять книжные конструкции с краткими причастиями, авторы усваивали прежде всего эти содержательные закономерности их

функционирования, но не обязательно следовали формально-синтаксическим ограничениям на их употребление. Видимо, этим явлением и следует объяснять рост количества именительных самостоятельных в более поздних восточнославянских текстах.

Основные положения диссертационной работы отражены в следующих публикациях:

1. Причастные обороты в древнерусской летописи: содержательные параметры их употребления для глаголов восприятия // Русский язык в научном освещении. 2005. № 2 (10).
2. Содержательные параметры употребления кратких причастий в древнерусской летописи для некоторых стивных глаголов // Вопросы языкознания. 2007. № 2.
3. К вопросу о прагматических критериях распределения предикаций на причастные и финитные в древнерусской летописи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1 (13).